

Колтаков Евгений Александрович

ПОНЯТИЕ "ПОЛИТИЧЕСКАЯ ВЛАСТЬ": К КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ СОДЕРЖАНИЯ

В статье автор предпринимает попытку уточнения понятия политической власти. Обосновывается возможность непротиворечивого использования на уровне политической теории и практики классической ("атрибутивно-реляционной"/"секционной") и альтернативной ("системной"/"несекционной") парадигм в понимании феномена политической власти. Предлагается "зонтичное" определение понятия политической власти, которое объединяет расходящиеся парадигмы, а на прикладном уровне может способствовать более эффективному решению государственных задач.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/9-2/24.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 9 (59): в 2-х ч. Ч. II. С. 91-98. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/9-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

Список литературы

1. **Бондаренко В. Ф., Ефанова Е. В.** Политическая стабильность в современной России: факторы, уровни, противоречия // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 4 (18). Ч. II. С. 37-40.
2. **Бородай Ю. М.** Этнос, нация, государство // ПОЛИС. 1992. № 5-6. С. 19-21.
3. **Гибадуллин Р.** Постсоветский дискурс нации как проблема межэтнического единства России // Власть. 2010. № 1. С. 74-78.
4. **Данакари Р. А.** Этническое бытие: монография. Волгоград: ИПК ФГОУ ВПО ВГСХА; Нива, 2007. 196 с.
5. **Ешев М.** Российский патриотизм как основа национальной идентичности // Власть. 2013. № 6. С. 116-118.
6. **Колесников В. А.** Российская нация – единство в многообразии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 4 (54). Ч. 2. С. 93-99.
7. **Конституция Российской Федерации.** М.: Теис, 1996. 48 с.
8. **Матяш Т. П.** Российская нация: проекты и реальность // Гуманитарий Юга России. 2014. № 2. С. 47-53.
9. **Подмена понятий: патриотизм в России** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.levada.ru/27-05-2014/podmena-ponyati-patriotizm-v-rossii> (дата обращения: 28.05.2015).
10. **Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию (11 декабря 2013 г.)** [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_155646/ (дата обращения: 11.03.2015).
11. **Путин В. В.** Россия: национальный вопрос // Независимая газета. 2012. 23 января.
12. **Согрин В. В.** Что есть российская нация и российский народ // Общественные науки и современность. 2011. № 1. С. 117-125.
13. **Тишков В.** О главных акторах цивилизационного диалога. Культурное и языковое разнообразие современных наций // ПОЛИС. 2012. № 5. С. 77-85.
14. **Тишков В.** Российский народ: история и смысл национального самосознания. М.: Наука, 2013. 656 с.

DEVELOPING CIVIL NATION AND ACHIEVING POLITICAL UNITY**Kozhina Yuliya Vasil'evna***The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Branch) in Volgograd
kozhina19@yandex.ru*

The article examines the problem of developing civil nation in the Russian state, characterizes the content of the concepts “nation” and “ethnos”, identifies the specifics of nation development in the historical experience of the USSR and other countries. The author characterizes the phenomenon of civil nation as a factor for achieving political unity, argues for the possibility to create the Russian nation grounded on the “co-citizenship” and political unity of the people. According to the author, the conception of civil patriotism serves as a political and cultural justification of national unity.

Key words and phrases: political unity; civil nation; ethnos; nation; nation development; co-citizenship; patriotism; civil patriotism.

УДК 3; 32:303.822.4

Политология

В статье автор предпринимает попытку уточнения понятия политической власти. Обосновывается возможность непротиворечивого использования на уровне политической теории и практики классической («атрибутивно-реляционной»/«секционной») и альтернативной («системной»/«несекционной») парадигм в понимании феномена политической власти. Предлагается «зонтичное» определение понятия политической власти, которое объединяет расходящиеся парадигмы, а на прикладном уровне может способствовать более эффективному решению государственных задач.

Ключевые слова и фразы: понятие власти; классическая («атрибутивно-реляционная»/«секционная») парадигма власти; альтернативная («системная»/«несекционная») парадигма власти; типология власти Александра Кожева; концепция «дисциплинарной» власти Мишеля Фуко; асубъектная власть; институты социализации.

Колтаков Евгений Александрович*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
evgkoltakov@yandex.ru***ПОНЯТИЕ «ПОЛИТИЧЕСКАЯ ВЛАСТЬ»: К КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ СОДЕРЖАНИЯ©**

Понятие политической власти является одним из фундаментальных в политологии, так как непосредственно относится к её предмету. При этом содержание данного понятия – одно из самых сложных с точки зрения концептуализации. Поэтому постоянные споры в рамках политической науки о тех или иных сторонах феномена политической власти не случайны. Например, в 1970-х гг. среди американских исследователей

развернулись дебаты о так называемых «лицах» («ликах») власти, которые были связаны с бихевиоралистской проблематикой [17, с. 33-38], в те же годы шли споры по поводу возможности «вписать понятие (власти) в теорию социального обмена» и т.д. и т.п. [Там же, с. 38-42].

Для прикладной политологии, в свою очередь, вопрос о концептуализации данного понятия не менее важен, так как неопределённость (нечёткость) понятия («денотационная неадекватность») делает границы референта (объекта) расплывчатыми и затрудняет отнесение тех или иных отношений и событий к определённым явлениям, обозначаемым понятием [Там же, с. 64]. Кроме того, прикладная политология ещё должна учитывать национальную специфику феномена политической власти, что в отсутствие чёткости и ясности базового понятия сделать крайне затруднительно.

Вообще «роль научных понятий в теоретическом анализе и эмпирических исследованиях многогранна» [Там же, с. 60], а в отношении понятий фундаментальных тем более. Отметим, что, как пишет Валерий Георгиевич Ледяев, проблема концептуализации понятия власти поднималась в работах М. Вебера, Б. Рассела, Ч. Мэрриамы, Х. Лассуэлла, Т. Парсонса, Х. Арндта, Р. Даля, Р. Арона, М. Фуко, Э. Гидденса, Б. Бэрри, С. Льюкса, Р. Бершtedта, Д. Картрайта, Ф. Оппенхейма, П. Блау, Д. Ронга, Дж. Найджела, Дж. Дебнэма, Т. Болла, Д. Болдуина, У. Коннолли, Т. Вартенберга [Там же, с. 7]. К ним ещё следует добавить, безусловно, Александра Кожева, Пьера Бурдьё, Никласа Лумана, Юргена Хабермаса, Майкла Манна, Тёна ван Дейка, Джозефа С. Ная (младшего) и многих других исследователей, всех не перечислить.

Нельзя не упомянуть и многочисленных отечественных учёных, поднимавших данную проблему, таких как Н. М. Кейзеров, Т. А. Алексеев, Р. П. Алексюк, В. Н. Амелин, А. Г. Аникевич, М. И. Байгин, Ю. М. Батурин, Б. Н. Бессонов, И. Л. Болясной, А. А. Дегтярёв, А. И. Демдов, С. И. Дудник, А. И. Ким, Н. А. Комлева, И. И. Кравченко, В. Г. Ледяев, А. А. Аузан, Б. М. Макаров, А. Ю. Мельвил, В. В. Меньшиков, Н. И. Осадчий, Е. В. Осипова, В. А. Подорога, Н. М. Степанов, В. Л. Усачёв, Е. И. Фарбер, Г. Г. Филиппов, Е. Б. Шестопал и многих других [Там же, с. 8].

В рамках данного исследования необходимо отметить два важных момента: 1) «Научные понятия должны обладать определенным (уникальным) содержанием: понятийная структура не может быть “засорена” синонимами, присутствие которых неизбежно сказывается на четкости и ясности описания и объяснения социальной реальности» [Там же, с. 65] и 2) «...содержание ключевых понятий в определённом смысле зависит от общих тенденций развития общества и его проблем» [Там же, с. 82]. Это означает, что в социальных науках необходимость уточнения понятия политической власти (равно как и других социальных понятий) актуальна практически в каждом предметном исследовании, которое использует данное понятие. Однако концептуализация научных понятий дело достаточно трудоёмкое, тем более в рамках предметных работ. Поэтому концептуальный анализ тех или иных понятий проводят в большинстве случаев в отдельных специальных исследованиях, как правило, теоретико-методологических. При этом важно заметить, что «предпочтительнее те концептуализации, которые допускают возможность гибко отразить изменение социального контекста» [Там же, с. 82], что актуально для исследований прикладного характера.

Наличие двух альтернативных друг другу парадигм («секционной»/«атрибутивно-реляционной») и «несекционной»/«системной») в понимании политической власти уже само по себе говорит о неразрешённой проблеме, которая заключается в нарушении указанного выше требования уникальности научных понятий с точки зрения их содержания. Этим обосновывается тезис о необходимости их объединения под «зонтичным» определением. Именно такое определение понятия политической власти и будет целью нашей статьи. Остаётся вопрос: при каком условии это возможно сделать? Ответ таков: при условии успешного решения задачи по фиксации непротиворечивого «ядра» понятия, присущего обеим парадигмам. Это мы попытаемся сделать, решив, в свою очередь, задачу по выбору и рассмотрению двух концепций власти, представляющих соответствующие исследовательские традиции. Одновременно раскроем в ходе данного анализа содержание данных парадигм.

Так как концепций власти очень много, что мы показали выше, то в целях решения проблемы репрезентативности мы в рамках классической «атрибутивно-реляционной» парадигмы изучения власти опишем наиболее полную, на наш взгляд, концепцию Александра Кожева, представляющую собой всеобъемлющую (в рамках соответствующей исследовательской традиции) анализ власти, а в рамках альтернативной «системной» парадигмы проведём анализ наиболее радикальной, по мнению многих политологов, концепции «дисциплинарной» власти Мишеля Фуко. При этом ясно, что, если не удастся зафиксировать в парадигмально расходящихся концепциях власти некоторого общего для них ядра, объединяющую их «зонтичную» дефиницию понятия власти, предлагать смысла не будет.

Итак, французский философ русского происхождения Александр Кожев (наст. фамилия – Кожевников) в своём труде «Понятие власти» провёл обстоятельный феноменологический анализ данной категории, обратился к метафизическому анализу и обозначил основные проблемы и задачи онтологического анализа власти. Кожев выделил в истории четыре сущностно различных и не сводимых друг к другу теории власти: во-первых, теологическую (или теократическую) теорию, где изначальная и абсолютная Власть принадлежит Богу; во-вторых, теорию Платона, где Власть («правая» или «законная») опирается на «Справедливость»; в-третьих, теорию Аристотеля, где Власть основывается на Мудрости, Знании, возможности предвидения, выходе за пределы непосредственно данного и, в-четвёртых, теорию Гегеля, которая сводит отношение Власти к отношению Господина и Раба (Победителя и Победённого), где первый был готов рисковать своей жизнью ради «признания», а второй предпочёл подчинение смерти [15, с. 7-8].

Проводя феноменологический анализ мыслитель указал на то, что сначала нужно найти общее определение власти, способное охватить собой все частные случаи этого явления. В связи с чем Кожев обратил внимание на такие атрибуты власти, как проявление в действии и воплощение субъект-объектного отношения: «Власть имеется только там, где есть движение, изменение, действие (действительное или хотя бы возможное). <...> Очевидно то, что Власть принадлежит тому, кто изменяет, не тому, кто изменяется: Власть по сути своей активна, а не пассивна» [Там же, с. 15]. Также философ заметил, что власти присущ деятельностный, сознательный (осознанный) и свободный характер, что она по своей сути субъектна. «...реальным “носителем” всякой власти с необходимостью является деятель в собственном и истинном смысле этого слова, т.е. деятель свободный и сознательный (будь то божество, человеческое существо, но никогда не животное как таковое)» [Там же, с. 15-16]. Это значит, что, с одной стороны, власть не может существовать без своих носителей, а с другой стороны, субъекты могут быть наделены властью или могут обладать ею.

Затем Кожев указал на важное и, по своей сути, имманентное качество власти, которое заключается в способности последней преодолевать разного рода оппозиционность себе, тем самым проявляя себя, собственно, как власть. Иными словами, власть только тогда становится таковой, когда (и если) преодолевает оппозицию себе, то есть когда обладает способностью в лице своего носителя заставить объект, на который направлено властное воздействие, отказаться от актуализации своего права на противопоставление себя власти. «Властное действие отличается от всех прочих тем, что оно не встречает противостояния со стороны того или тех, на кого оно направлено. Это предполагает, с одной стороны, возможность оппозиции, а с другой – сознательный и добровольный отказ от осуществления этой возможности» [Там же, с. 16]. Здесь мыслитель обратился к проблеме легитимности власти. Занимаясь данной проблемой, Кожев решил важную задачу: развёл понятия власти и силы. «...любая Власть обязательно является признанной Властью: не признавать Власть – значит отрицать её, а тем самым её уничтожить». <...> «Употребление власти не только не тождественно использованию (насилия), эти два феномена взаимно исключают друг друга» [Там же, с. 19]. Касаясь непосредственно проблемы легитимности, французский мыслитель заметил, что она по сути является имманентным качеством власти. «Тот, кто “признаёт” Власть (не существует “непризнанной” Власти), признаёт тем самым и её “легитимность”. Отрицать её легитимность – значит не признавать её, а тем самым её уничтожить» [Там же, с. 21]. При этом Кожев свою дефиницию власти сопоставил с общим определением «Божественного», данное сравнение нужно было мыслителю для того, чтобы, с одной стороны, объяснить наблюдающееся в истории обожествление человеческой власти, а с другой стороны, осуществить разведение понятий божественной и человеческой власти. «Тем не менее дефиниция Божественного отличается от определения Власти: в случае божественного действия человеческая реакция абсолютно невозможна; в случае авторитарного (человеческого) действия реакция, напротив, возможна и отсутствует лишь в силу сознательного и добровольного отказа от этой возможности» [Там же, с. 22-23]. Тем самым философ обратил внимание на вечный характер божественной власти, так как предполагается, что воплощающее бытие этой власти (Божество) должно существовать вечно. В отличие же от божественной власти человеческая носит временный характер и связана с риском её потери обладающим этой властью субъектом. «Отправление (человеческой) Власти с необходимостью предполагает элемент риска для того, кто её практикует – уже потому, что он её практикует; он рискует её утратить вместе со всем тем, что из этого проистекает» [Там же, с. 24]. Из этого Кожев сделал следующий вывод: «...всякая существующая человеческая Власть должна иметь “причину”, “основание” или “оправдание” своего существования...» [Там же]. Заметим, что решение проблемы легитимности власти нужно было французскому мыслителю для того, чтобы выделить «чистые» («элементарные») типы власти, о которых мы скажем ниже.

Анализируя причины сознательного и добровольного отказа от негативной реакции на власть, Кожев сначала выделил и описал не сводимые друг к другу чистые типы власти, затем показал, как образуются смешанные типы из простых или чистых, и только потом обратился к анализу оснований и оправданий власти. Что касается «чистых» типов власти, то философ образно выделил четыре таких типа: во-первых, Власть Отца над Ребёнком, во-вторых, Власть Господина над Рабом, в-третьих, Власть Вождя и, в-четвёртых, Власть Судьи [Там же, с. 27-28].

Выделив четыре «чистых» типа власти, Кожев связал каждый из них с одной из четырёх указанных им теорий власти и обратился к анализу причин признания этих форм власти. В итоге у мыслителя получилась следующая схема, содержащая в себе теории власти и соответствующие этим теориям «чистые» типы власти, а также причины каждого из этих типов власти. «Существует четыре не сводимых друг к другу типа (человеческой) Власти:

- Отца (Причина);
- Господина (Риск);
- Вождя (Проект-предвидение);
- Судьи (Справедливость).

Каждому из этих типов соответствует теория:

- Отца – Схоластика;
- Господина – Гегель;
- Вождя – Аристотель;
- Судьи – Платон» [Там же, с. 46-47].

В то же самое время Кожев подчёркнул, что в реальности каждый отдельный случай власти является смешанным. Иными словами, философ сказал о том, что все четыре чистых типа власти всегда представляют собой комбинации и можно говорить лишь о преобладании того или иного типа власти (или нескольких таких типов) в каждом отдельном комбинированном случае. В результате у Кожева получилось шестьдесят четыре возможных (в теории) типов власти (включая четыре чистых), которые охватили собой и все возможные конкретные случаи власти. «...мы можем набросать полный список всех возможных типов Власти. Мы получаем в таком случае:

- 4 чистых типа (О, В, Г, С);
- 6 комбинаций двух чистых типов (ОВ, ОГ, ОС, ВГ и т.д.) с двумя вариантами каждого (ОВ и ВО), т.е. двенадцать типов;
- 4 комбинации трёх типов с 6 вариантами, т.е. 24 типа;
- 1 комбинацию четырёх типов с 24 вариантами (ОВГС, ВОГС, СГОВ, ГОСВ и т.д.)» [Там же, с. 48].

Кроме того, мыслитель указывает на ещё один важный момент.

Философ отметил, что в действительности каждый конкретный случай власти стремится либо к достраиванию своего мысленного конструкта: «...возлагая на кого-либо Власть, свойственную одному из четырёх чистых типов (скажем, Вождя), мы естественным образом склоняемся к тому, чтобы придать ему и черты трёх остальных (как из неё “выводимые”). Точно так же всякий носитель той или иной частной Власти склонен превращать её во Власть тотальную» [Там же, с. 49]. Либо к его ликвидации, если полностью отсутствует хотя бы один из четырёх чистых типов в его составе: «В то же самое время полное отсутствие одного чистого типа (или нескольких) обычно провоцирует и уничтожение данного типа (или типов). Например, установив, что Вождь “ничтожен” как Судья, т.е. “несправедлив”, мы склонны не признавать и его Власть в качестве Вождя» [Там же].

Завершая рассмотрение кратологической концепции Александра Кожева отметим, что власть выступает у философа прежде всего как свойство некоторого субъекта воли. Следовательно, по Кожеву, власть субъектна и не может существовать без своего носителя. В то же время обладать той или иной властью субъект может лишь в случае и при условии, что его власть признаётся в качестве таковой самим объектом, на который направлено воздействие субъекта.

Что касается метафизического и онтологического анализов власти, сделанных Кожевным, то мы здесь не будем подробно их рассматривать, так как они не имеют непосредственного отношения к нашему исследованию. Поэтому перейдём к анализу концепции «дисциплинарной» власти Мишеля Фуко.

Французский мыслитель представил совсем иную идею власти, радикально отличающуюся от общепринятого представления о ней. «Дисциплинарная» власть «выражает себя не через право, а через определенную технику власти, с помощью не закона, а нормы, посредством не наказания, а контроля, и осуществляет себя на таких уровнях и в таких формах, которые выходят за пределы государства и его аппарата» [32]. Далее Фуко указал на имманентность выявленного им вида власти: «Под властью надо понимать, прежде всего, многообразие отношений силы, внутренне присущих областям, в которых они существуют, и являющихся конституирующим элементом данных областей; а также те игры, битвы и конфронтации, в ходе которых они трансформируются, усиливаются, переворачиваются» [Там же]. Кроме того, мыслитель обратил внимание на асубъектный характер данного вида власти: «Власть – это не институт, не структура и даже не могущество, которым наделяны некоторые: это название, которым обозначают сложную стратегическую ситуацию данного общества» [Там же]. Обратимся ниже к рассмотрению некоторых принципов функционирования «дисциплинарной» власти.

Итак, начнём с «иерархизированного надзора», который является важным элементом данной власти и заключается в последовательном (по цепочке) наблюдении вышестоящих «надзирателей» над нижестоящими «надзираемыми». Например, в учебном заведении такая цепочка: студенты, старосты групп, старосты курсов, инспекторы курсов и т.д. Данная форма надзора позволяет обеспечить высокую степень всеохватности наблюдения, что, в свою очередь, повышает эффективность контроля как такового. При этом «власть в системах иерархизированного надзора не выделяется как определенная вещь, не передается как определенное свойство; она функционирует как механизм» [33]. С обеспечением эффективности последнего тесно связан принцип замкнутого пространства. Надзирать получается намного легче, если сфера наблюдения чётко «отгорожена» (тюрьма, клиника, воинская часть, учебное заведение и т.д., прообразом которых, по Фуко, являются средневековые монастыри). Кроме того, одной «отгороженности» недостаточно, ещё нужна и «разгороженность» (в тюрьме – камеры, в клинике – палаты, в воинской части – казармы, в учебном заведении – комнаты, и опять же – кельи в монастырях). «Дисциплина – это искусство ранжирования и техника организации распределений. Она индивидуализирует тела, приписывая им определенные места, посредством которых они распределяются и включаются в системы отношений» [Там же], – замечал Фуко. «Разгороженность» нужно обеспечивать в общем и целом для предотвращения бунтов, так как изолированным не только от внешнего мира, но и друг от друга индивидам сложнее объединяться и противодействовать «дисциплинарной» власти. Для демонстрации пространственного идеала последней Мишель Фуко приводил в пример «Паноптикум» Иеремии Бентама как прообраза тюрьмы, в которой обеспечивается наилучший контроль над заключёнными.

Эффективность надзора в «Паноптикуме» обеспечивается за счёт оптимального конструкторского решения этого архитектурного сооружения. В центре «Паноптикума» должна находиться башня, в которой предполагается наличие надзирателя, а по периферии предполагается размещение кольцеобразного строения, разделённого на камеры, расположенными во всю ширину здания и имеющими по два окна (одно обращено наружу, а второе к окнам башни с надзирателем). Надзиратель при этом должен быть невидим для обитателей камер. Это необходимо, во-первых, для того чтобы заключённые не знали, когда именно за ними

наблюдают (что будет создавать в сознании узников эффект постоянного контроля за ними, даже если в данный момент наблюдение и не будет осуществляться). Во-вторых, надзиратель должен быть невидим для того, чтобы избавиться от необходимости постоянно осуществлять наблюдение. Далее, при рассмотрении следующих принципов «дисциплинарной» власти зададимся таким вопросом: является ли контроль целью только этого типа власти или же он служит ещё кому-либо инструментом для достижения каких-то иных внешних целей, не имманентных «дисциплинарной» власти?

На наш взгляд, при ответе на данный вопрос необходимо различать пространственные уровни социума и, следовательно, политической власти (в этом смысле региональная, муниципальная и любая другая формальная и, таким образом, субъектная власть будет относиться к макроуровню, будет его звеньями). Рассмотрим сначала микроуровень. На первый взгляд, не вызывает сомнений, что контроль здесь (тюрьма, учебное заведение, воинская часть, клиника и т.д.) является самоцелью. Однако Фуко отмечал, что одного лишь надзора недостаточно – нужна «дрессировка тел». Для этого мыслитель использовал термин «нормализующая санкция», который обозначает способ исправления отклонившихся «тел» от установленных норм посредством негативных санкций за девиантное поведение. А для описания соответствия/несоответствия поведения «тел» установленным нормам использовал понятие смотря (медицинский осмотр, экзамен в учебном заведении, военный парад и т.д.), где уже не подданные смотрят на субъекта власти, а невидимая, а субъектная (обезличенная), но тем не менее ощущаемая (подданными) «дисциплинарная» власть смотрит на них. «Именно это обращение отношения “кто на кого смотрит” в функционировании дисциплинарной власти является основой ее осуществления вплоть до самых малейших проявлений» [Там же]. Но возникает вопрос: для чего и кому нужна такая «дрессировка тел» на микроуровне? Ответ на данный вопрос возможен при переходе с микроуровня на макроуровень.

С точки зрения социума как целого нормальное функционирование общества невозможно без социализированных в том или ином направлении индивидов, составляющих данное социальное целое. То есть таких индивидов, которые обладали бы необходимыми именно для данного социума и в данное время качествами. Именно такие индивиды призваны обеспечивать данному обществу «контролируемость» (прим. автора: данный термин обозначает здесь ощущение индивидами целостности той совокупности, которую они собой представляют, то есть ощущение индивидами идентичности друг друга), а властной элите (правлящему классу) необходимый контроль над социумом, в том числе для реализации целерациональным способом данным сообществом (посредством своих представителей в лице элиты) своего потенциала. Этот потенциал, как мы видим, можно использовать целерациональным образом, лишь перейдя с микроуровня (с уровня а субъектной «дисциплинарной» власти) на макроуровень (на уровень целерациональной субъектной «элитной» власти). Поэтому при ответе на вопрос: является ли контроль иррациональной «целью» (лучше называть это термином «направленность», который обозначает здесь определённую, во многом иррациональную заданность процесса социализации индивидов) «дисциплинарной» власти самой по себе или же он служит инструментом, целерационально используемым тем или иным внешним по отношению к локусу действия данной власти субъектом – нужно учитывать оба уровня власти. Тогда ответ будет одновременно и отрицательный (так как власть на микроуровне а субъектна и, следовательно, иррациональна) и положительный (так как на макроуровне власть субъектна и рациональна). Иными словами, два уровня (а субъектный микроуровень и субъектный макроуровень) власти будут находиться в своего рода диалектическом единстве, будут тем или иным образом конвертируемы друг в друга.

Однако Фуко свёл власть лишь к тотальному «контролю» самим обществом механизма социализации составляющих данный социум индивидов. Заключаем в кавычки, потому что «контроль» у Фуко носит имманентный и а субъектный характер. Тем не менее можно заметить, что, несмотря на эти а субъектность и имманентность, «контроль» над социализацией индивидов имел у Фуко, как правило, некоторую «направленность». То есть мыслитель, с одной стороны, настаивал на имманентности и а субъектности «дисциплинарной» власти, а с другой – не отказывался полностью от наличия элементов «направленности» в последней. Другими словами, Фуко во многом интуитивно не смог полностью отказаться от какой бы то ни было «направленности» власти на микроуровне, так как чувствовал, что в противном случае возникнет проблема с конвертируемостью микровласти в макровласть (а на данном уровне власть не может не принять субъектный характер по определению). Таким образом Фуко не смог в итоге полностью преодолеть субъектность власти в контексте необходимости её взаимной междууровневой (микроуровень/макроуровень) трансформации (конвертируемости).

Теперь, когда мы рассмотрели две концепции власти, представляющие собой примеры двух альтернативных друг другу парадигм её понимания, необходимо найти общие двум концепциям элементы рассматриваемого нами понятия и предложить такое определение власти, которое, с одной стороны, не противоречило бы этим концепциям по отдельности, а с другой – охватывало бы их собой, то есть являлось бы «зонтичным».

Заметим, что обе концепции так или иначе содержат в себе некоторые элементы синтеза двух сложившихся в истории социально-политической мысли традиций в изучении власти (даже во многом радикальная концепция Мишеля Фуко, как мы показали, не свободна от синтетических моментов).

Анализ Кожева с его типологией власти по её источникам является на самом деле синтезирующим по своей сути, хотя специально мыслитель не ставил перед собой такой задачи (альтернативная парадигма к тому времени ещё полностью не оформилась и задача синтеза не стояла). Ведь, с одной стороны, ресурсы власти (причина (традиция), риск, проект-предвидение (знание), справедливость (авторитет)) выступают в его анализе как неотъемлемые свойства субъектов (носителей), а с другой стороны, власть сама по себе переходяща. Мыслитель не случайно задаётся вопросом о причинах подчинения (проблема легитимности) тем или иным

носителям власти. Поэтому выделяемые Кожевым источники власти можно правомерно рассматривать в качестве «общественного» ресурса. Обществу, как правило, всегда нужны и хранители традиций, и храбрые полководцы, и дальновидные стратеги, и авторитетные мужи.

Что касается «дисциплинарной» власти Мишеля Фуко, то, несмотря на принадлежность его концепции к альтернативной традиции, необходимо всё же помнить о её латентной незавершённости, о чём мы говорили выше.

Теперь, наконец, зададимся вопросом: если власть может проявляться как в субъектной форме, так и в асубъектной, то правомерно ли тогда говорить о непреодолимой дихотомии этих двух свойств рассматриваемого нами феномена и исключать одно из них из дефиниции его понятия? Ведь оба свойства являются определяющими и выражают сущностные характеристики власти, как мы видели выше. Другими словами, без использования хотя бы одного из этих двух свойств мы не сможем дать релевантное определение понятию власти. Дихотомия будет правомерна только в случае выявления видов исследуемого нами феномена и их определения. Поэтому, на наш взгляд, при дефиниции власти имеет смысл использовать «диалектический» подход. То есть власть на практике может проявляться либо как субъектный, либо как асубъектный феномен. Но и то и другое проявление правомерно причислять к понятию власти как таковой. Есть другие свойства власти, которые предстают в качестве «бинарных».

Речь идёт о потенциальном и актуальном характере власти. Но вряд ли в этом случае представляется возможным говорить о наличии здесь какой бы то ни было дихотомии. Власть может и не проявляться в каком-либо действии, если этого ей не требуется, и существовать, таким образом, в диспозиции (потенциальном состоянии). С другой стороны, актуализация власти подразумевает реализацию ею своего потенциала, поэтому вряд ли имеет смысл разделять понятие власти по данному основанию.

Теперь ответим на вопрос: существуют ли такие свойства власти, которые присутствовали бы во всех видах проявления этого феномена? Ответ представляется положительным. Во-первых, власть – идёт ли речь о «субъект-объектных» отношениях или об отношениях борьбы сил в концепции «дисциплинарной» власти Мишеля Фуко (то есть об асубъектных отношениях) – всегда какие-либо отношения. Причём политическая власть – это не просто отношения, это отношения, которые конституируются на основе определённой взаимозависимости и носят преимущественно системный характер, то есть без наличия какой-либо из сторон не возникнет по определению и никакой системы взаимозависимых отношений. Кроме того, эти взаимозависимые отношения носят в контексте уже двухуровневой системы власти, о которой мы говорили выше, должны так или иначе кем-то осознаваться. В свою очередь, частично или полностью осознаваемые взаимозависимые отношения имеют в своей основе телеологическую составляющую. Властные взаимозависимые отношения возможны только с той или иной целью. Целеполагание так или иначе должно кем-то артикулироваться. Есть и ещё один важный вопрос, на который здесь нужно ответить и который имеет непосредственное отношение к распределению политической власти в обществе: чем простая взаимозависимость отличается от властного отношения? Ответ: властное отношение имеет в своей основе «иерархическую» составляющую, носит асимметричный характер. Также не нужно забывать, что властные отношения распространяются не на все, а только на некоторые сферы жизни индивидов и только в некоторой степени.

Итак, в заключение можно подвести итоги нашей работы: 1) мы выполнили поставленные нами в начале статьи задачи: а) рассмотрели концепцию власти Александра Кожева и концепцию «дисциплинарной» власти Мишеля Фуко, раскрыв, соответственно, «атрибутивно-реляционную» («секционную») и «системную» («несекционную») парадигмы; б) выявили непротиворечивое «ядро» понятия власти, которое присуще обеим парадигмам и которое будет выделено курсивом в предлагаемом ниже определении; 2) из успешного решения данных задач следует вывод: имеется возможность предложить «зонтичное» определение понятия политической власти, которое бы объединяло расходящиеся парадигмы; 3) собственно, предлагаемая «зонтичная» дефиниция, которая была целью нашего исследования: политическая власть – это система асимметричных отношений определённой степени взаимозависимости в определённых сферах (локусах) общества с той или иной целью («направленностью»), выступающая либо в «субъект-объектной» (на макроуровне), либо в «асубъектной» (на микроуровне) формах.

Конечно, данное определение не идеально. Мы лишь хотим добиться большей ясности в понимании фундаментального для политической науки понятия, так как это будет способствовать более эффективной работе политтехнологов, политиков и государственных деятелей. А это, в свою очередь, может иметь практический выход на важные институциональные преобразования в нашей стране, которые при их успешном осуществлении способны намного повысить управляемость отечественной социальной системы, осуществить переход на траекторию устойчивого и гармоничного развития всех её подсистем. Совершать социально-политические преобразования всегда эффективнее в том случае, когда имеется чёткое представление о наборе и функциональных характеристиках тех средств, с помощью которых данные преобразования предполагается осуществлять. В том числе нельзя недооценивать роль институтов социализации в обществе, а напротив, нужно по максимуму использовать оба уровня власти. Кроме того, когда в распоряжении исследователей, политтехнологов, политических и государственных деятелей имеется базовое референтное понятие политической власти, легче определить национальную и любую другую специфику данного социального феномена, исходя из соответствующей политической практики. При этом легче определить не только специфику, собственно, политической власти, но и политической и социальной систем, так как структура власти конституирует систему политическую, а последняя, в свою очередь, во многом определяет особенности системы социальной. Более точное знание национальной специфики российской социальной системы, в свою очередь, могло бы способствовать более эффективному выявлению сильных и слабых её сторон, учёт

которых критически важен при выборе стратегической линии государственного строительства. Например, известный фактор традиционной для России персонализированности политической власти перманентно генерирует проблему её преемственности, что негативно сказывается на эффективности долгосрочного государственного планирования в целом. А без наличия «долгосрочного взгляда» на будущее страны переход на траекторию устойчивого развития представляется маловероятным, так как неуверенность россиян в завтрашнем дне всегда будет порождать такие негативные для любого суверенного государства явления, как денационализация элиты, так называемая «утечка мозгов» и, в целом, стремление наиболее активных граждан к переезду на постоянное место жительства за границу и т.д. В этой связи, например, одним из решений данной комплексной проблемы могли бы стать поиск (или внедрение) и последующее использование на «асубъектном» микроуровне власти таких её форм, которые выступали бы ключом к смене тех ценностных кодов, которые в контексте политической социализации связаны уже с воспроизводством высокой степени персонификации российской власти на «субъект-объектном» макроуровне и так далее.

Список литературы

1. **Алексеева Т. А.** Политическая философия: от концепций к теориям: учебное пособие. М.: Московский государственный институт международных отношений (Университет); Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. 397 с.
2. **Алексеева Т. А.** Современные политические теории: курс лекций. М.: Московский государственный институт международных отношений (Университет); Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. 464 с.
3. **Антология мировой политической мысли:** в 5-ти т. М.: Мысль, 1997. Т. II. Зарубежная политическая мысль. XX в. 830 с.
4. **Арендт Х.** О насилии / пер. с англ. Г. М. Дашевского. М.: Новое издательство, 2014. 148 с.
5. **Бурдьё П.** Социология политики / пер. с фр. Н. А. Шматко. М.: Socio-Logos, 1993. 336 с.
6. **Бурлацкий Ф. М.** О политической науке: избранные произведения. М.: Издательство Московского университета, 2013. 328 с.
7. **Вебер М.** Избранное: протестантская этика и дух капитализма. М. – СПб.: Центр гуманитарных инициатив; Университетская книга, 2014. 656 с.
8. **Власть и политика: институциональные вызовы XXI века. Политическая наука:** ежегодник 2012 / Российская ассоциация политической науки; гл. ред. А. И. Соловьёв. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. 446 с.
9. **Гидденс Э.** Устройство общества: очерк теории структуризации / пер. с англ. И. Тюрина. М.: Академический Проект, 2005. 528 с.
10. **Иванова А. А.** Общественные объединения как институты взаимодействия с органами власти // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 9 (35). Ч. 2. С. 67-70.
11. **Ильин М. В.** Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1997. 432 с.
12. **Исаев И. А.** Господство: очерки политической философии. М.: Норма, 2008. 352 с.
13. **Категории политической науки:** учебник / А. Ю. Мельвил и др. М.: Московский государственный институт международных отношений (Университет); Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2002. 656 с.
14. **Когнитивные модели и институциональные трансформации:** сборник научных статей / под ред. д.и.н., проф. В. М. Сергеева. М.: Линор, 2003. 196 с.
15. **Кожев А.** Понятие власти / пер. с фр. А. М. Руткевича. М.: Праксис, 2006. 192 с.
16. **Ледяев В. Г.** Власть, авторитет и господство в России: основные характеристики и формы // Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований. 2009. № 4. С. 61-94.
17. **Ледяев В. Г.** Власть: концептуальный анализ. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001. 384 с.
18. **Ледяев В. Г.** Концептуальные основания эмпирического исследования власти // Политическая концептология. 2011. № 4. С. 50-65.
19. **Ледяев В. Г.** Социология власти. Теория и опыт эмпирического исследования власти в городских сообществах. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. 472 с.
20. **Ледяев В. Г.** Формы власти: типологический анализ // Полис. 2000. № 2. С. 6-18.
21. **Лубский А. В.** Концепт «русская власть»: метафорические возможности интеллектуального дискурса // Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований. 2010. № 2. С. 116-129.
22. **Лубский А. В.** Политическая концептология как «захват мира политики» и приглашение к дискурсу // Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований. 2009. № 1. С. 117-128.
23. **Луман Н.** Власть / пер. с нем. А. Ю. Антоновского. М.: Праксис, 2001. 256 с.
24. **Луман Н.** Почему необходима «системная теория»? // Проблемы теоретической социологии. СПб.: Петрополис, 1994. С. 43-54.
25. **Луман Н.** Социальные системы. Очерк общей теории / пер. с нем. И. Д. Газиева; под ред. Н. А. Головина. СПб.: Наука, 2007. 644 с.
26. **Льюкс С.** Власть: радикальный взгляд / пер. с англ. А. И. Кырлежева. М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. 240 с.
27. **Манн Т.** Власть в XXI столетии: беседы с Джоном А. Холлом / пер. с англ. К. Бандуровского; под ред. А. Смирнова. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 208 с.
28. **Най Д. С. (младший).** Будущее власти / пер. с англ. В. Н. Верченко. М.: АСТ, 2014. 444 с.
29. **Олейник А. Н.** Таксономия властных отношений. Общие проблемы политической концептологии [Электронный ресурс]. URL: <http://politconcept.sfedu.ru/2009.2/07.pdf> (дата обращения: 31.01.2015).
30. **Политология: лексикон** / под ред. А. И. Соловьёва. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. 800 с.
31. **Соловьёв А. И.** Политология: политическая теория, политические технологии: учебник для студентов вузов. М.: Аспект Пресс, 2000. 559 с.
32. **Фуко М.** Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности [Электронный ресурс]. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/fuko_vol/index.php (дата обращения: 18.03.2015).

33. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы [Электронный ресурс]. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Fuko_Turm/index.php (дата обращения: 17.02.2015).
34. Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории / пер. с нем. Ю. С. Медведева; под ред. Д. В. Скляднева. СПб.: Наука, 2008. 417 с.
35. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / пер. с нем. Ю. С. Медведева; под ред. Д. В. Скляднева. СПб.: Наука, 2006. 379 с.

“POLITICAL POWER” NOTION: ON CONCEPTUALIZATION OF THE CONTENT

Koltakov Evgenii Aleksandrovich
M. V. Lomonosov Moscow State University
evgkoltakov@yandex.ru

The article aims to clarify the conception of political power. The author justifies the possibility for the consistent use at the level of political theory and practice of classical (“attributive-relational”/“sectional”) and alternative (“systemic”/“non-sectional”) paradigms in understanding the phenomenon of political power. The paper introduces an “umbrella-type” definition of the conception of political power, which integrates diverging paradigms and at application level can promote more efficient solution of nation-wide problems.

Key words and phrases: conception of power; classical (“attributive-relational”/“sectional”) paradigm of power; alternative (“systemic”/“non-sectional”) paradigm of power; typology of power by Alexandre Kojève; conception of “disciplinary” power by Michel Foucault; non-subjective power; institutions for socialization.

УДК 94(571)

Исторические науки и археология

В статье на основе фронтального и сравнительно-сопоставительного анализа областных газет Горного Алтая изучено влияние политического фактора на трансформацию их содержания. Выявлена периодичность таких изменений во взаимосвязи с основными политическими событиями, произошедшими в СССР в 1922-1929 гг. Дана тематическая и жанровая характеристика содержания газет, определена специфика национальной прессы Горного Алтая как одной из южносибирских автономных областей.

Ключевые слова и фразы: политический фактор; Горный Алтай; периодическая печать; публикации прессы; аудитория; сельские корреспонденты.

Костякова Юлия Борисовна, к.и.н., доцент
Артамонова Надежда Яковлевна, д.и.н., профессор
Хакасский государственный университет имени Н. Ф. Катанова
uka29@yandex.ru; lazar1918@yandex.ru

ВЛИЯНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ФАКТОРА НА СОДЕРЖАНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПЕЧАТИ В 1920-Е ГГ. (НА ПРИМЕРЕ ПРЕССЫ ГОРНОГО АЛТАЯ)©

На качество содержания прессы существенное влияние оказывают экономический, социальный, национальный и другие факторы. Многие зависят от профессиональных навыков и опыта журналистов, от понимания ими целей и задач средств массовой информации, сути государственной информационной политики. Значительное воздействие на содержание периодической печати оказывает политический фактор, являющийся первопричиной изменения методов отображения действительности в публикациях.

В научной литературе, посвященной периоду первого десятилетия существования советской власти, раскрывается масштабность мероприятий большевиков по созданию периодической печати нового типа. Газеты, ориентированные на рабочих и крестьян, как целевую аудиторию, стали средством коммуникации между новой властью и большинством граждан страны. Это позволило советской власти «в условиях жесткого обострения социальных противоречий в обществе» развернуть «широкомасштабную агитационно-пропагандистскую работу в целях привлечения на свою сторону населения России» [7, с. 14]. Анализ содержания газет Горного Алтая (до 1948 г. – *Ойротии* – прим. авторов – Ю. К., Н. А.), выходивших в этой автономной области Южной Сибири в 1920-е гг., помог проиллюстрировать тезис о серьезных общественных противоречиях, дал представление о формах и методах агитации и пропаганды, которые использовались в прессе для привлечения населения на сторону советской власти, для внедрения в сознание граждан новых идеологических установок, норм поведения и стереотипов.

Главной функцией, которую выполняло русскоязычное областное издание «Ойротский край» в 1923-1924 гг., было информирование своих читателей о событиях в СССР, области и за границей, а также о мероприятиях, проводившихся органами власти. Для этого были созданы постоянные рубрики, разграничивавшие информацию по географическому признаку: «По белу свету» (международные сообщения), «По области», «По Улале» (столица Ойротской автономной области – прим. авторов – Ю. К., Н. А.), «По селам и деревням» и др.

© Костякова Ю. Б., Артамонова Н. Я., 2015